О некоторых особенностях юридической науки и поисках права

КОРНЕВ Аркадий Владимирович, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

E-mail: kornev_av@rambler.ru

Данная статья посвящена прежде всего правопониманию. Разумеется, проблема сама по себе не нова, однако понимание права выступает только фоном. Основной тезис заключается в том, что различные подходы к праву, которые особенно быстро стали формироваться в постперестроечные времена, при всей их критичности по отношению к нормативной теории права сами имеют нормативную природу. Доказывается, что нормативность как таковая «пронизывает» право в любой его интерпретации.

В статье анализируются причины существования различных подходов к пониманию права: теоретические, практические, личностные. В связи с этим сделан акцент на особенностях юридической науки. Именно они в определенной степени «провоцируют» авторов выдвигать идеи, порой плохо сочетающиеся с реальностью. Юридическая наука не является номологической, поскольку она объясняет суть явлений и процессов не через закон в научном смысле этого слова, а через причинность. Именно каузальность юридической науки порождает наличие в ней школ и концепций, которые не просто конкурируют, а иногда пытаются опровергнуть друг друга. Еще одним значимым обстоятельством является отсутствие в юриспруденции норм науки, имеющих императивную природу. В силу этого авторы имеют столь высокую степень «свободы», которой позавидовал бы любой представитель естественно-научного знания.

Ключевые слова: закон, закономерность, наука, норма, нормативность, право, правопонимание, причинность.

Для цитирования: Корнев А. В. О некоторых особенностях юридической науки и поисках права // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 5—15. DOI: 10.12737/jrl.2020.116

Прочитав заголовок статьи, читатель может задать вопрос: а что, собственно, ищет автор? Ответ простой — право. «Ну сколько же можно его искать!» — воскликнет скептик. Века продолжают дискуссии, и как будто результатов никаких нет. Они, разумеется, есть, но споры от этого не утихают, и, полагаю, будут продолжаться до тех пор, пока сохраняется право в его привычной для нас роли — регулятора общественных отношений. В том, что представление о его назначении и его природа не останутся неизменными, никакой уверенности нет. Человечество всегда будет нуждаться в неких правилах. Даже «классики»,

видя перспективу государства в музее древностей, в отношении права выражались предельно осторожно. Опыт все более убеждает в том, что переводчики и интерпретаторы способны из оригинала сотворить нечто такое, что с первоначальным вариантом будет иметь мало общего. Таким образом, человек, уверовавший во всеисилие технологий, глобализации, урбанизации, потребление и комфорт (этакий «миксовый» хмель), в виде COVID-19 получил своеобразное напоминание о том, что он лишь пища для микробов, и не более. Автор намека неизвестен — Бог, природа, секретные лаборатории. Но это абсолютно неважно. Дескать,

знай место. Напрашиваются известные аналогии, зафиксированные теперь уже классиком В. Ерофеевым: «...когда хмель уходит от сердца, являются страхи и шаткость сознания»¹.

Создается такое впечатление, что современное общество вдруг осознало шаткость своего бытия, которое в будущем теперь вряд ли будет всегда сытым, праздным, комфортным. Для двух третей человечества оно и сегодня таковым не является. К сожалению, это относится и к нашей стране. Из коллективного бессознательного явились страхи, фобии, агрессия и проч. — то, что предсказывал в свое время Р. Брэдбери, и не ошибся. Людей начинает охватывать страх перед будущим. А это лучшая почва для реинкарнации вождистских проектов. Сегодня это очень заметно.

Некоторым может показаться странным обращение к творчеству В. Ерофеева, чьи немногочисленные произведения имеют неоднозначную репутацию, как, впрочем, и сам автор. Я лично так не думаю. Недавно телеканал «Культура» показал цикл передач, главным героем которых был известный театральный художник Б. Мессерер. Одна передача была посвящена В. Ерофееву, о котором, кстати, нам мало что известно. Но дело не столько в нем.

Сегодня литература, как мне представляется, больше «зеркалит» действительность, чем наука, в том числе юридическая. Жанр литературы, если это не фантастика, предполагает обращаться к прозе жизни в силу того, чтобы был сюжет, увлекающий читателя. Писатели просто обязаны знать жизнь лучше, чем иные. «От хорошей жизни писателями не становятся», — любил повторять М. Зощенко. Он знал, о чем говорил. Советская власть, в целом почитаемая мною, не была к нему благосклонной. И к А. Ахматовой. Да

только ли к ним? Современной власти писатели вообще не интересны, как, впрочем, и иные «инженеры» человеческих душ. Духовные продукты — товар не рыночный.

Поэтому к литературе обращаться никогда не поздно и совсем не зазорно. «Академизм» от этого не пострадает. В. Ерофеев по примеру Н. В. Гоголя назвал свое главное произведение поэмой. И правильно сделал. «Говорящие» головы в телевизоре (прежде всего ведущие, ну а потом политологи, юристы, депутаты, аналитики и проч.) с младенческой наивностью пытаются разъяснить какому-нибудь «Майклу», корреспонденту заштатной американской газетенки, существо момента. А он лишь со снисходительной улыбкой, делая одолжение, не перебивая, внимает происходящему. Все эти аргументы для него пусты и ничего не стоят. За державу не просто обидно.

Так вот, там где ученый муж напустил бы туману общих мест, снабдив их научными и загадочными словечками, Н. В. Гоголь легким движением пера начертал: «Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины родили великие события, и наоборот — великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец, все это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собой за вздор, и ссора объемлет наконец, города, потом села и деревни, а там и целое государство»². А далее совершенно уникальное продолжение: «Но оставим эти рассуждения: они не идут сюда. Притом я не люблю рассуждений, когда они остаются только рассуждениями»³.

¹ Ерофеев В. Москва—Петушки. М., 2003. С. 167.

² Гоголь Н. В. Повести. М., 1979. С. 96—97.

³ Там же. С. 97.

В контексте проблематики статьи укажем на несколько существенных нюансов. Во-первых, уважение к «мелочам». Как известно, «дьявол кроется в деталях». Во-вторых, эти мелочи имеют очень важное значение применительно к бытию права и государства. В-третьих, как и во времена Гоголя (Яновского), политика «делается» в больших городах. Имеются в виду народные волнения, которые затем приводили к определенным политическим результатам. Из новейшей истории — Москва, Киев, Минск.

Кстати, дозу умеренного весьма осторожного либерализма будущий классик мировой литературы получил во время учебы в Нежинской гимназии, и главным образом от младшего профессора права Н. Г. Белоусова, который читал курс естественного права⁴.

В-четвертых, и это главное — нелюбовь гениального писателя к «рассуждениям, которые остаются только рассуждениями».

Увы, в современной юридической науке, особенно теоретической, рассуждения о рассуждениях стали занимать довольно много места. Это обстоятельство не может радовать. Когда-то нас учили тому, что общественные науки должны объяснять природу социальных явлений, что в конечном счете необходимо для того, чтобы разрабатывать «научные основы управления обществом».

Сегодня никто таких задач не ставит. Каждый теперь «вольный художник». Наконец-то была получена «идеологическая свобода», а вместе с ней очень сомнительные с научной и содержательной точки зрения работы. Раньше на всю огромную страну (СССР) было три-четыре, причем коллективных, учебника. Разрешали писать только тем, кто способен был сделать это на должном научном, содержательном, методическом уровне. Те-

перь все это кануло в лету. Выходят из печати сотни учебников. Иные, еще не успев защитить кандидатскую диссертацию, являют «городу и миру» свои вирши. Жалко в связи с этим не только образование, науку, но прежде всего студентов. Однако мы живем в рыночное время, у которого свои законы.

Эти законы, точнее приметы времени, зафиксировал С. Д. Довлатов, перебравшийся в Америку, когда у нас еще был «развитой социализм» на примере жизни колонии Брайтон-Бич: «Налоговое ведомство обманываем. В конкурентов постреливаем. В газетах печатаем Бог знает что... Бывшие кинооператоры торгуют оружием. Бывшие диссиденты становятся чуть ли не прокурорами. Бывшие прокуроры — диссидентами... Хозяева ресторанов сидят на велфере и даже получают фудстемпы. Автомобильные права можно купить за сотню. Ученую степень за двести пятьдесят... Обидно думать, что вся эта мерзость — порождение свободы. Потому что свобода одинаково благосклонна и к дурному, и к хорошему. Под ее лучами одинаково быстро расцветают и гладиолусы, и марихуана...»⁵.

Лучше не скажешь. Подозреваю одного из любимых писателей в творческом использовании параллелей. Луна ведь также одинаково светит и тем, и другим. Здесь присутствует слово «свобода», очень часто используемая в работах по праву.

С 1973 по 2012 г. в нашей стране выходила удивительная, очень интересная передача «Очевидное — невероятное», бессменным ведущим которой был ученый-физик С. П. Капица, выдающийся популяризатор науки, а шире — просвещения и знаний.

Суть всякого момента в нашей жизни заключается в том, что очевидное таит в себе природу невероятного, и наоборот. Я поставил скромную задачу призвать своих

⁴ См.: Труайя А. Николай Гоголь. СПб., 2015. С. 36.

⁵ Довлатов С. Зона. СПб., 2007. С. 103.

коллег увидеть прежде всего в невероятном — очевидное, которое мы с упрямством, достойным лучшего применения, не хотим замечать. Может быть, в связи с этим жаркие споры относительно права несколько поутихнут, поскольку в разных, порой противоположных точках зрения есть нечто общее, что их всех объединяет, но и разъединяет. Однако не фатально. Вот в чем вопрос!

В силу этого обстоятельства речь пойдет об особенностях юридической науки как таковой и о нормативизме. Последний, как известно, многогранен. Но до конца юридическим сообществом недооценен. А если быть более точным, то проигнорирован. Однако логика жизни важнее теоретических постулатов. Разумеется, юридическая наука в связи с этим будет охарактеризована только некоторыми мазками. Другая задача не ставилась.

Итак, научная аргументация понимания права. Юридическая наука, несомненно, более «счастливая» из всех отраслей общественного знания. Ей не нужно доказывать право на существование, что-либо объяснять, спорить, претендовать на «место под солнцем». Наоборот, многие представители социальных наук часто прибегали к юриспруденции, хотя бы в сравнительном ключе для обоснования особенностей той или иной науки. Т. Адорно, объясняя роль и значение социологии, ее предмет, говорит, «что социология — в отличие от традиционного понимания юриспруденции или медицины — является не замкнутым учебным зданием, но агломератом, собственно говоря, совершенно отличных друг от друга дисциплин...»⁶.

И это далеко не единственный пример того, что юридическая наука — наука устоявшаяся, специфичная, со своим отлаженным категориальным и познавательным ап-

паратом. То есть юристы давно и надежно знают, что они изучают, как это надо изучать, а самое главное — зачем это нужно изучать. Конечно, самой сильной, с моей точки зрения, стороной в юриспруденции является догматика, без овладения которой юристом и просто ученым человеком стать невозможно. Она же, т. е. догматика, порой и отталкивает от юриспруденции, создавая ей образ науки скучной, формализованной. У графа Л. Н. Толстого полный романтических ожиданий в части облегчения жизни своих крепостных молодой князь Д. Нехлюдов, оставив юридический факультет университета ради статуса образцового помещика-филантропа, вспоминал, как они с товарищем «...пять часов кряду читали и повторяли какие-то скучные записки гражданского права, и, окончив их, послали за ужином, сложились на бутылку шампанского и разговорились о будущем...»⁷.

Шампанское упомянуто здесь, видимо, для того, чтобы передать атмосферу принудительного, безрадостного труда, окончание которого необходимо было как-то отметить.

Для социолога главный вопрос заключается в том, что представляет собой общество? Но поскольку в одной дефиниции отразить всю полноту явления невозможно, то некоторые социологи вообще предлагают от этих попыток отказаться.

Для юриста основной вопрос — что есть право? Однозначного ответа, как принято говорить, нет, и никогда, думаю, не будет. Ирония И. Канта в части поисков сути права, чем занимаются юристы до настоящего времени, по-прежнему сохраняет актуальность. Однако долгие поиски права — процесс объективный и перманентный. И вот почему.

Есть разные подходы к классификации наук. К счастью, а может к сожалению, четкой разделительной черты между научным и нена-

⁶ Адорно Т. Введение в социологию. М., 2010. С. 112.

⁷ Толстой Л. Н. Утро помещика. М., 1985. С. 51.

учным знанием нет и быть не может, как между наукой и не наукой. Во всяком случае сегодня, в эпоху так называемого постмодерна, когда все мнения объявлены равновеликими и имеющими право на существование. Кто-то увидел в этом похороны Просвещения с его идеалами. Иные смотрят на это более сдержанно. Сейчас уже почти никто не ищет истину, как это было принято относительно недавно. Да и как ее найдешь, если кроме истины абсолютной и относительной сегодня имеют место интерпретации истины как соответствия (корреспонденция), истины как согласия (когеренция) и истины как полезность. При этом у каждой «версии» истины есть еще и различные модели. Современная философия, отказавшись от «основных» вопросов, по сути, совершила самоубийство, превратившись в бессистемную копилку мнений. В силу этого юристы, прибегающие к «философской» аргументации, выглядят комично. Философия сама сейчас находится в поиске собственной идентичности.

Юридическая наука, констатирует профессор В. В. Лазарев, не однородна. Ученый выделяет в ней три равновеликие части. Первая часть, исторически самая древняя, может быть образно поименована «служанкой». Она не только не стремилась к поиску истины, но и, наоборот, часто в угоду власти имущим уводила от истины. Вторая часть, не самая объемная, была нацелена на поиски чистой истины по вопросам происхождения и сути государства и права, их назначения, наилучших форм, механизмов и функций. Это были научные исследования на самом высоком методологическом уровне с опорой на достижения науки предшествующих эпох. Третья часть самая обширная. Ее следует рассматривать в качестве своего рода «социальной алхимии» со всеми плюсами и минусами. Усилия ее тружеников нацелены на творчество, на поиск своего «золота», своего «философского камня», но усилия эти бесплодны.

Алхимию юридической науки характеризует емкое русское слово «словоблудие»⁸.

Категорично, но верно. Очень часто современные исследователи предпочитают игнорировать сущностную, а более точно — практическую сторону вопроса. Некоторые прямо говорят о том, что юридическая наука не должна быть связана с правовой действительностью, что она ценна сама по себе. Иными словами, «предмет науки — сама наука, а предмет теории государства и права — сама теория». Что самое удивительное, подобная точка зрения разделяется отнюдь не одиночками. Работы в подобном жанре, как правило, изобилуют цитатами, преимущественно западных авторов, которые зачастую уходят в область гносеологических спекуляций, своего рода метафизики. Причина проста. Все прежние модели — экономические, политические, правовые, социологические, культурологические, на создание которых ушли гигантские средства и море чернил, на проверку оказались несостоятельными. И. Бродский говорил: «Больше всего мне нравится метафизика и сплетни. Что в принципе одно и то же». Не стоит по старой привычке искать ответы на вопросы у представителей западной науки. Этот «грех» имеет место у некоторой части пишущей братии, и в связи с этим ей полезно познакомиться с мнением Г. Еллинека о европейской юридической науке, высказанным более ста лет назад: «Утверждения заменяли факты, убеждения — доказательства, неясность сходилась за глубокомыслие, произвольные умствования — за высшее призвание»⁹.

Сегодня как никогда актуальны слова академика А. Я. Вышинского:

⁸ См.: Проблемы истории, методологии и теории юридической науки / под ред. А. В. Корнева. М., 2017. С. 24.

⁹ Еллинек Г. Право современного государства. СПб., 1903. С. 15.

«Надо сказать, что у нас довольно сильно распространен такой метод “научной работы”, который можно было бы назвать “цитатологией”. До сих пор еще имеет распространение метод возможно большего наизывания на нитку, на тоненькую ниточку своей мыслишки, цитат из творений великих мыслителей. Ясно, что задача науки — не в этом, не в простом цитировании, а в изложении научных положений, их развитии, их применении к практическому делу»¹⁰.

Нередко в работах даже известных юристов среди целей можно встретить расхожую формулировку «исследовать понятие...». В данном случае не имеет никакого значения, о каком понятии и какой отрасли права идет речь. На первый взгляд, это просто мелковато — исследовать понятие. Что его исследовать? Но дело не только и не столько в этом.

Юристы — не лингвисты. Вторые более в выгодном положении, чем представители других отраслей научного знания. Для них язык — одновременно и средство познания, и его объект.

Другие ученые используют язык как знаковую систему, выполняющую познавательную и коммуникативную функции в процессе человеческой деятельности. Человек мыслит при помощи языка. Однако мышление и язык не тождественны. Не существует тождества между словом и понятием, суждением и предложением¹¹.

Юристы, формулируя то или иное понятие, руководствуются соображением точности. Между тем это чисто филологический подход, мало пригодный для юриспруденции. Термин у древних римлян — бог границ. Полагаю, что конструкции юриспруденции служат не для точности, ибо она недостижима, а

для разграничения понятий, если угодно — определения границ.

Не важно, о какой отрасли научного юридического знания идет речь, но в своей массе в научных работах в основном преобладает так называемый понятийный подход. Авторы, как правило, оперируют понятиями, включая понятие права. В этом смысле наука практически не продвинулась вперед с того момента, когда Э. Дюркгейм, один из выдающихся социологов, заметил: «Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и делать их предметом наших размышлений». И еще: «Речь идет о том, чтобы узнать, в чем состоит идея права, идея нравственности, а не какова природа нравственности и права самих по себе»¹².

Иными словами, вместо изучения явлений, например права, мы по-прежнему предпочитаем «исследовать понятия». Социальный факт подменяется представлениями о нем. Вот почему определенное количество работ в области юриспруденции интеллектуально бесплодны, неинтересны, поверхностны. Бывают, разумеется, приятные исключения. Я уже не говорю об учебниках по отраслевым дисциплинам, где на титуле написано «Учебник», а внутри кодекс или базовый закон, регулирующий тот или иной вид общественных отношений. А ведь авторы, нисколько не смущаясь, приписывают себе десятки, а то и сотни печатных листов такой, с позволения сказать, продукции.

Титаны мысли — потому и титаны, что интеллектуальная история человечества без них несостоятельна. Платон и Аристотель заложили основы научного понимания

¹⁰ Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 401.

¹¹ См.: Философский словарь. М., 1981. С. 437—438.

¹² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2008. С. 80, 87.

мира. С именем Платона связаны «науки о бытии». Бытие есть ставшее. «Было, есть и будет» — вот основной пафос его понимания науки. Он вообще тяготел к покою, вечности, неподвижности. «Движение — смерть, покой божественен». Это, правда, больше относилось к политическим формам бытия. Так, химическая формула воды не меняется, как и процесс окисления железа. Для юриспруденции явно не находится уголок в платоновской интерпретации науки. Мы можем отыскать ее место в концепции его блистательного ученика — Аристотеля, который в отличие от своего учителя сделал акцент на восприятии мира как становлении и развитии. Юридическая наука вполне укладывается в это русло, поскольку она «по идее» должна постоянно развиваться в силу того, что общество, даже самое стабильное, не стоит на месте.

Юридическая наука, как представляется, является наукой каузальной, а не номологической. Номологическими науками являются естественные, объясняющие явление через научный закон, который представляет собой «универсальное, необходимое утверждение о связи явлений. Обычная форма научного закона: «Для всякого объекта из данной предметной области верно, что если он обладает свойством *A*, то он с необходимостью имеет также свойство *B*». Универсальность закона означает, что он распространяется на все объекты своей области, действует во всякое время и в любой точке пространства. Необходимость, присущая научному закону, является не логической, а *онтологической*. Она определяется не структурой мышления, а устройством самого реального мира...»¹³.

Едва ли не главная функция научного закона — объяснение. Такое

объяснение принято считать номологическим. Есть большие сомнения в том, что юридическая наука имеет дело с законами в научном смысле этого слова. С закономерностями — да, несомненно. Однако и здесь все не так просто. Определенная часть «юридических алхимиков» порой высказывает мнения о том, что никаких закономерностей в государственно-правовой сфере нет вообще. Эти «ученые» даже не в силах понять, что если допустить отсутствие законов и даже закономерностей, то любая рациональная деятельность исключена в принципе. Она является по определению таковой, что учитывает законы и закономерности, которые нельзя отбросить за ненужностью.

Юридическая наука, вероятно, являясь наукой каузальной, объясняет природу изучаемых явлений на основе причинности, которая есть «...определенное внутренне отношение между явлениями, такая их связь, при которой всякий раз за одним явлением следует другое... Общая схема каузального объяснения: *A* является причиной *B*. *A* имеет место. Следовательно, *B* также имеет место»¹⁴.

Есть еще одно важное обстоятельство. Существуют нормы и идеалы науки. Они в чем-то похожи, но их следует различать. Идеалы несколько расплывчаты и обращены скорее к будущему. Нормы науки, как правило, находятся в прошлом. Норма науки — это императивное, повелевающее представление о чем-либо.

В юриспруденции, по всей видимости, нормы науки — понятие относительное. Иное дело — физика или химия. То есть нет и не может быть общепринятого понимания права, как и государства. Каждый автор вкладывает в это понятие что-то свое, порой не имеющее ничего общего с реальностью. В юрис-

¹³ Ивин А. А., Никитина И. П. *Философия науки*. М., 2017. С. 34.

¹⁴ Ивин А. А., Никитина И. П. *Указ. соч.* С. 30, 98.

пруденции принципы императивны. Однако принципы права — это не нормы науки. Сегодня, особенно в отраслевых науках, за принципы права порой выдают такое, что без иронии воспринимать нельзя. Если говорить конкретно, у юристов более «развязаны» руки, чем у представителей естественно-научного знания.

Тем не менее определенность в понимании права ощущается очень сильно. Этот вопрос одинаково важен не только для общей теории права и государства, но и отраслевых юридических наук. В связи с этим Е. Н. Трубецкой высказался предельно ясно: «Пока мы не выясним себе, что такое право вообще, все наши суждения о тех или иных конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определенного суждения, относящегося к той или иной области юриспруденции, может возникнуть сомнение, представляет ли оно собой действительно суждения о праве или о чем-то другом, что не есть право»¹⁵.

Практическая сторона вопроса, возможно, важнее теоретических споров о праве. Абсолютное большинство юристов — практиков и отраслевиков искренне убеждены, что вопросы понимания права имеют исключительно академическое значение и должны прорабатываться только в учебных аудиториях и в тиши кабинетов. Между тем понимание права — вопрос прежде всего практический. Весь категориальный аппарат, то, чем пользуются практикующие юристы, да и в целом все субъекты права — правоотношение, правотворчество, правореализация, правозащита, правоприменение и т. д., производны от слова «право». Как понимают право, так и формируют весь понятийный аппарат.

Право одновременно имеет и консервативную, и инновационную природу. С одной стороны,

право (законодательство) служит для того, чтобы создать устойчивый правовой порядок, основанный на стабильности отношений, имеющих место в обществе. В некоторых странах установлен срок, в течение которого запрещено вносить поправки в базовые законы даже тогда, когда в нем обнаружались пробелы. Цель очевидна — участники юридического оборота должны привыкнуть к определенному порядку вещей. Именно по этой причине едва ли не главный человек в некогда классическом западном обществе — адвокат (юрист), призванный в силу своей социальной роли отслеживать соблюдение всеми участниками социальных коммуникаций норм социальных стандартов, которые задают юридические законы. Стандартизация социальной жизни, нравится это кому-то или нет, является одной из отличительных черт западной цивилизации, которая в настоящее время стремительно разрушается в силу не только колоссального наплыва мигрантов, но и отказа от прежних ценностей. Имея определенные основания, Р. Давид назвал европейскую цивилизацию «христианской и юридической», а обращаясь к истории романо-германской правовой семьи, отметил: «В университетах право рассматривали как модель социальной организации»¹⁶.

С другой стороны, оставаясь явлением консервативным, право не может уподобляться египетскому сфинксу, высокомерно вззирающему на суету мира сего. Жизнь идет вперед. Технологии стремительно меняют нашу жизнь. Да и привычные формы социальных отношений претерпевают изменения.

В настоящее время много говорят об опережающем развитии сферы права. В этом есть определенный

¹⁵ Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 288.

¹⁶ Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 34.

резон. Если внимательно просмотреть работы, посвященные IV промышленной революции и переходу к VI технологическому укладу, то может создаться впечатление, что профессия юриста отомрет в ближайшем будущем, а право трансформируется в технологические регламенты, за соблюдением которых будут следить машины (роботы).

В одной из таких работ читаем: «Сочетание распределенных реестров и искусственного интеллекта приведет к пересмотру правовой сферы и к ее дигитализации — юристы станут не нужны. Прекрасно, правда? Не верите? В феврале 2017 г. Bloomberg сообщила, что в JPMorgan написали программу, способную всего за несколько секунд решить задачу, на которую адвокаты и кредитные специалисты тратили по 360 тыс. часов в год. Программа COIN работает на основе машинного обучения и выполняет немислимую для человека работу по анализу договоров кредитования предприятий. Она за считанные секунды исследует документ, ошибается реже человека и никогда не уходит в отпуск. COIN JPMorgan смогла снизить число ошибок при обработке таких договоров — ведь они, как правило, были вызваны человеческим фактором. Это позволило компании обрабатывать в год на 12 тыс. договоров больше»¹⁷.

Опережающее развитие правовой сферы нередко именуют инновационной юриспруденцией. Это хорошо в целом, но известная осторожность и здоровый консерватизм не мешают, а скорее — послужат гарантией.

Несовершенство законодательства связывается прежде всего с нормативным или позитивистским подходом к пониманию права. В известной степени, эксплуатируя это обстоятельство, возникают иные

теории. В них проблема не стоит так остро, если она вообще там имеется. Здесь нужны пояснения. Нормативизм — исключительно правовой феномен и является отражением нормативности в праве. Между тем позитивизм — категория двойственная. С одной стороны, законодательство принято называть позитивным правом. С другой — позитивизм отражает определенный методологический подход. Когда-то позитивизм едва ли не господствовал в философии. За ним стояли и стоят солидные имена. Позитивизм, кстати, как и нормативизм, являются наиболее привычными объектами критики в юридической науке, как правило, со стороны тех, кто замечен на ниве «словоблудия» (снова позволим воспользоваться терминологией профессора В. В. Лазарева). Позитивистов не устраивали интеллектуальные спекуляции представителей идеалистического направления в философии, которые не могли представить убедительных аргументов в части познания природы изучаемых явлений.

В отличие от них адепты философского позитивизма в основу аргументации предлагали эмпирические данные, опыт. Эта, пожалуй, самая сильная сторона позитивизма. И сегодня в теории аргументации эмпирика доминирует над иными видами обоснования позиции. Во всяком случае это более убедительно, чем «цитатология» (А. Я. Вышинский), ссылка на авторитеты, которые и сами часто меняют свои мнения.

В юридической науке позитивизм интерпретируют слишком узко. Принято считать, что юристы, придерживающиеся позитивистской ориентации, право считают исключительно продуктом деятельности государства и не считают необходимым искать сущность права в силу отсутствия практической потребности в этом, замыкаясь в основном на инструментальной роли права. Это абсолютно не соответствует

¹⁷ Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019. С. 112—113.

действительности. Достаточно более внимательно прочитать труды Г. Ф. Шершеневича.

Таким образом, наличие столь большого количества научных школ

объясняется особенностями юридической науки, в силу которых можно выдвигать любые предложения, не особенно утруждая себя соображениями научной аргументации.

Библиографический список

- Адорно Т. Введение в социологию. М., 2010.
 Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
 Гоголь Н. В. Повести. М., 1979.
 Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996.
 Довлатов С. Зона. СПб., 2007.
 Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2008.
 Еллинек Г. Право современного государства. СПб., 1903.
 Ерофеев В. Москва—Петушки. М., 2003.
 Ивин А. А., Никитина И. П. Философия науки. М., 2017.
 Проблемы истории, методологии и теории юридической науки / под ред. А. В. Корнева. М., 2017.
 Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019.
 Толстой Л. Н. Утро помещика. М., 1985.
 Труайя А. Николай Гоголь. СПб., 2015.
 Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001.
 Философский словарь. М., 1981.

On the Certain Features of Legal Science and the Search for Law

A. V. Kornev

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russian Federation

E-mail: kornev_av@rambler.ru

DOI: 10.12737/jrl.2020.116

This article is devoted primarily to legal thinking. Of course, the problem itself is not new, but the understanding of law is only a background. The main thesis is that various approaches to law start to form especially quickly “post-perestroika” times, and this approaches — for all their criticality in relation to the normative theory of law — have a normative nature. It is proved that normativity as such “belittles” the law in any of its interpretation.

The article analyses the reasons for the existence of various approaches to understanding law: theoretical, practical, personal. In this regard, there is the emphasis on the features of legal science. It is they who, in the degree of viciousness, “provoke” the authors to put forward ideas that do not fit well with reality. Legal science is not nomological, since it explains the essence of phenomena and causes not through the law in the scientific sense of the word. It is the causality of legal science that gives rise to the presence of schools and concepts in it that not only compete, but sometimes try to refute each other. Another significant circumstance is that norms of science is absent in jurisprudence and have an imperative nature. Because of this, the authors have such a wide degree of freedom that any representative of natural science might be envy of this.

Keywords: law, regularity, science, norm, normativity, law, legal thinking, causality.

For citation: Kornev A. V. On the Certain Features of Legal Science and the Search for Law. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 5—15. DOI: 10.12737/jrl.2020.116 (In Russ.)

References

- Adorno T. *Vvedenie v sotsiologiyu*. Moscow, 2010.
 David R., Zhofre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti*. Moscow, 1996.
 Dovlatov S. *Zona*. St. Petersburg, 2007.

- Dyurkgeym E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. Moscow, 2008.
- Ellinek G. Pravo sovremennogo gosudarstva. St. Petersburg, 1903.
- Erofeev V. Moskva—Petushki. Moscow, 2003.
- Filosofskiy slovar'. Moscow, 1981.
- Gogol' N. V. Povesti. Moscow, 1979.
- Ivin A. A., Nikitina I. P. Filosofiya nauki. Moscow, 2017.
- Problemy istorii, metodologii i teorii yuridicheskoy nauki. Ed. by A. V. Kornev. Moscow, 2017.
- Skinner K. Chelovek tsifrovoy. Chetvertaya revolyutsiya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo. Moscow, 2019.
- Tolstoy L. N. Utro pomeschika. Moscow, 1985.
- Truayya A. Nikolay Gogol'. St. Petersburg, 2015.
- Trubetskoy E. N. Trudy po filosofii prava. St. Petersburg, 2001.
- Vyshinskiy A. Ya. Voprosy teorii gosudarstva i prava. Moscow, 1949.
-
-